

О.Л. Левинская

«ОСЛИНЫЕ» МЕТАМОРФОЗЫ В АНТИЧНОЙ
БЕЛЛЕТРИСТИКЕ:
ЛУКИАН, АПУЛЕЙ И ЛУЦИЙ ИЗ ПАТР

В корпусе сочинений Лукиана есть небольшой текст под названием «Луций, или Осел». Это история о том, как молодой человек по имени Луций отправился из родных Патр по делам в Фессалию, в город Гипата. Там, в доме гостеприимного хозяина, и начались приключения Луция. Его столотюбие привело к роману со служанкой, а любопытство – к утрате человеческого облика: желая поближе познакомиться с возлюбленного с колдовским искусством своей хозяйки, служанка случайно превратила Луция в осла. Превратиться опять в человека ничего, казалось бы, не стоило – нужно было только поесть роз, но несчастного осла Луция на пути к розам ожидало множество приключений и опасностей. И только преодолев их, он опять стал человеком и вернулся домой.

В изданиях этот текст снабжен, как правило, пометкой «псевдо», т.е. его не признают аутентичным. «Луция» (так я буду называть этот текст и дальше) атегируют с XIX в., и вот почему. В самой надежной и ранней – Ватиканской – рукописи X в. (Vaticanus 90) текст «Луция» заканчивается пометкой переписчика: «Эпитома Метаморфоз Луция Патрского». Эта пометка заставила ученых пристальнее всмотреться в текст, и оказалось, что там действительно довольно много грубых швов, да и стилистически этот текст значительно отклоняется от привычного лукиановского аттицизма. Сочетание двух этих обстоятельств и решило проблему аутентичности «Луция». Если стилевые отклонения еще можно объяснить намерением Лукиана стилизоваться под грубоватую фольклорную новеллу, то уж эпитоматором, считают ученые, Лукиан быть не мог – для этого, дескать, он был слишком значительной и независимой фигурой.

Вместе с тем, все признают, что в целом стиль «Луция» *все-таки* «невероятно лукиановский». Э. Роде пытался объяснить это внутреннее противоречие последовательно, а ученые последнего времени позволяют себе туманные заключения типа: «Можно считать автора «Луция» блестящим имитатором Лукиана, *но лучше – самим Лукианом*»¹. Таким образом, окончательный вывод внутренне противоречив и поэтому беспомощен.

Патриарх Фотий, познакомившись с текстом «Луция», ни на минуту не усомнился в том, что он написан самим Лукианом. Наряду с «Луцием» Фотий упоминает еще одно сочинение об осле – он называет его «Метаморфозы Луция Патрского». Этот текст до нас не дошел и нигде более не упоминается. Название его двусмысленно: метаморфозы, *произошедшие* с Луцием, или метаморфозы, *написанные* Луцием. Сам Фотий решил, что Луций Патрский – это автор, описавший собственные превращения, но скорее всего, конечно, это главный герой. Фотий не пересказывает содержания «Метаморфоз», зато делает интересное наблюдение: с его точки зрения, лукианов-

¹ См. Scobie A. Apuleius Metamorphoses (Asinus Aureus). A Commentary. Meisenheim am Glan, 1975, а также вступление М. Маклеода к тексту "Луция" в издании Лойба (*Lucian. With an Engl. transl. by M.D. Macleod. In 8 vol. V. 8. Cambr., 1979. P. 47 f.*).

ский «Луций» и «Метаморфозы» Луция Патрского и стилистически, и содержательно похожи, как две капли воды. Фотий даже называет автора «Метаморфоз» «вторым Лукианом». Такое сходство двух текстов мешает Фотию решить окончательно, кто тут плагиатор, и поэтому он осторожно предполагает: Лукиан воспользовался текстом Луция Патрского – на том основании, что текст Лукиана короче. Но вот как сумел некий безвестный Луций Патрский достичь высот лукиановского стиля (а Фотий очень высоко ценил стиль Лукиана), – этого досточтимый патриарх не объяснил.

Наука нового времени должна учитывать и третью, еще не упомянутую нами ослиную историю – «Золотого осла» Апулея. И поэтому основная схема, выработанная учеными к настоящему времени, такова: «Метаморфозы» Луция Патрского послужили основой для двух совершенно независимых друг от друга текстов – для римского «Золотого осла» и для греческого «Луция». В одном случае исходный текст был распространен и расширен, в другом – сокращен. Проблема авторства решается так: 1) «Золотой осел» проблемы вообще не представляет – его написал Апулей; 2) «Метаморфозы» Луция Патрского были, вероятнее, всего, написаны самим Лукианом – отсюда их ярко лукиановский стиль, отмеченный Фотием; 3) «Луций, или Осел», дошедший до нас в корпусе лукиановских текстов, – это пересказ, сделанный неким неизвестным автором, – отсюда, с одной стороны, несомненные признаки лукиановского стиля в этом тексте, а с другой – все отклонения от него, отмеченные учеными.

Эта схема выглядит вполне стройной, она утвердилась в конце XIX – начале XX в.², и практически во всех доступных мне исследованиях последних 40 лет, в том числе новейших, посвященных проблемам истории и теории античных прозаических жанров, она принята за основу³. Кроме того, по крайней мере дважды предпринимались попытки реконструировать утраченные «Метаморфозы Луция Патрского» как исходный, оригинальный роман⁴. Мне бы хотелось поделиться некоторыми смущающими меня наблюдениями. Прежде всего это совпадения в текстах «Золотого Осла» Апулея и псевдо-лукиановского «Луция», многократно отмеченные и проанализированные исследователями. Вот эпизод с колдовством, за которым наблюдает Луций вместе со своей возлюбленной⁵.

Апулей. III. 21: «...и однажды [прибегает ко мне] Фотида и объявляет (*indicat*), что госпожа ее, [которой никакие чары до сих пор не оказали помощи в ее любовных делах], [сегодня ночью] намерена обратиться в птицу и так полететь к своему желанному (*cupitum*)... И вот [около первой стражи ночи] она [на цыпочках, неслышными шагами] ведет меня к *тому* чердаку и велит смотреть через какую-то щелку в двери, как это делается. [Перво-наперво] [Памфила] сбрасывает с себя все одежды и, открыв какой-то сундучок (*arcula*), [достает оттуда] множество пиксид (*pyxides*), [снимает крышку] с одной из них и, набрав из нее мази, [сначала] намазывается вся от ногтей на ногах [до макушки], долго (*multum*) [потихоньку] беседует со [своей] лампой

² Ср. RE. S. v. *Lucianos* (R. Helm). Конечно, были и особые мнения, например: автором «Луция» считали самого Апулея (так сказать, авторизованный перевод на греческий). Это мнение приводит А. Лески (*Apuleius von Madaura und Lukios von Patrai // Hermes*. Bd 76. Ht 1. Sp. 1941) как высказанное кем-то из исследователей конца XIX в., но на самом деле оно появилось гораздо раньше, в 1447 г.: так решил Никлас фон Вайль, переводивший на немецкий текст «Луция» (правда, фон Вайль переводил латинскую версию «Луция», созданную в 1470 г. Поджо Браччолини).

³ *Perry B.* The Ancient Romances. Berkeley, 1967; *Scobie*. Op. cit.; *Holzberg N.* The Ancient Novel. An introduction. L. – N.Y., 1995; *Reardon B.P.* The Form of Greek Romance. Princeton, 1991; *Hagg T.* The Novel in Antiquity. University of California Press, 1991; *Winkler J.* Auctor and Actor. University of California Press, 1991; *Bowie E.* The Ancient Readers of the Greek Novels // The Novel in the Ancient World / Ed. G. Schmeling. Leiden, 1996.

⁴ *Thiel H.* Der Eselroman. Bd I–II. München, 1971–1972. Ср. также: *Bürger C.* De Lucio Patrense. Diss. B., 1887.

⁵ Взяв за основу перевод Апулея, сделанный М. Кузминым, я позволила себе внести в его текст все возможные уточнения, максимально приблизив его к оригиналу. Перевод отрывков из Псевдо-Лукиана сделан мной. В квадратные скобки в обоих отрывках (здесь и далее) взяты элементы текста, отсутствующие в параллельном отрывке.

[и начинает сильно дрожать всеми членами. И пока они слегка содрогаются, их покрывает нежный пушок], вырастают и крепкие перья, нос загибается и твердеет, появляются кривые когти. Памфила становится филином...».

Псевдо-Лукиан. 12: «И вот спустя несколько дней объявляет мне Палестра, что госпожа ее намерена, обратившись в птицу, лететь к своему желанному (ἐρώμενον)... И когда настал вечер, ведет она меня к двери комнатки, где они спали, и велит подойти к какой-то щелке в двери и смотреть на происходящее внутри. И вот я вижу, что женщина раздевается. Потом уже голая подошла к лампе и, [взяв две крупницы ладана, бросила их в огонь] и, встав, долго беседовала с лампой. Потом, открыв внушительный сундучок со множеством пиксид, достает один. [Что в нем было, я не знаю, но похоже было на масло.] Набрав его, она намазывается вся, начиная от ногтей на ногах, и вдруг у нее вырастают перья, нос твердеет и загибается, и все остальные птичьи признаки появляются. И стала она не кем иным, как ночным вороном...».

Текст Апулея примерно в 1,5 раза больше лукиановского. Эта разница «набегает» за счет необязательных подробностей и нюансов («прибегает ко мне», «которой никакие чары на помогали», «на цыпочках неслышными шагами» и т.д.). В греческом тексте тоже есть «лишние» (по отношению к латинскому тексту) детали (упоминание ладана и оговорка «что в нем было, я не знаю»), но их в шесть раз меньше. К ним я вернусь чуть позже. Если мы изыдем все «лишнее», то два текста совпадут практически точно, вплоть до порядка слов в предложении и самих слов (indicat – ἀγγέλλει, cupitum – ἐρώμενον, arcula – κιβώτιον, multum – πολλα), как будто один является переводом другого. В других параллелях мы наблюдаем практически ту же картину; самостоятельных деталей в греческом тексте будет либо еще меньше, либо они просто будут отсутствовать. Таких параллелей между Псевдо-Лукианом и Апулеем очень много, только они не всегда заметны. Обычно отмечаются крупные пассажи, но часто бывает, что одной-двум фразам Псевдо-Лукиана соответствует целый пассаж у Апулея. В этом отношении очень интересно самое начало обоих текстов: «Я ехал по делам в Фессалию...» и т.д.

Если принятая в науке схема соотношения трех текстов правильна, то все совпадения появились в результате *независимой* работы двух разных авторов с одним и тем же исходным текстом – «Метаморфозами Луция Патрского». Некоторые исследователи считают их появление случайностью⁶, но для случайных эти совпадения слишком многочисленны. А если учесть, что роман Апулея по объему в шесть раз превышает псевдо-лукиановский рассказ, то вероятность случайных совпадений становится еще меньше. Значит, они чем-то обусловлены. При каком же условии два автора, не сговариваясь, дословно воспроизведут *одни и те же* места общего источника?

1. Если оба сохраняют *узловые, обязательные* места исходного текста. Это условие не выполняется: дословные совпадения мы встречаем не только в важных для сюжета и крупных, но и в мельчайших эпизодах. Например: Апулей. VIII. 25–26: «...Хозяин [с удовольствием] принял деньги, семнадцать денариев, и сейчас же, [взяв меня за узду, сплетенную из альфы], передал Филебу – этим именем назывался новый мой владелец. Тот, получив нового слугу, повел меня к своему дому и прямо с порога закричал: – Девушки, вот я вам с рынка хорошенького раба привел! А девушки эти оказались толпой кинедов...»; Псевдо-Лукиан. 35–36: «Ему и продали меня за очень большие деньги – за тридцать драхм. И вот я уже [с тяжелым сердцем] пошел за хозяином к его дому. И когда мы пришли туда, где жил Филеб – этим именем назывался купивший меня, – он прямо с порога закричал: – Девушки, я вам раба купил, красивого и крупного, [родом из Каппадокии]. А девушки эти были толпой кинедов...».

⁶ Ср., например, Harrison S.J. Apuleius' Metamorphoseis // The Novel in the Ancient World / Ed. G. Schmeling. Leiden, 1996. P. 5.

Заметим: в тексте Апулея есть две детали, которых нет у Псевдо-Лукиана (хозяин принял деньги *с удовольствием*; взял осла за узду, *сплетенную из альфы*). В тексте Псевдо-Лукиана тоже есть две детали, расходящиеся с Апулеем (*с тяжелым сердцем; родом из Каппадокии*). Разница вот в чем: «лишние» детали Апулея либо полностью мотивированы контекстом («с удовольствием» – потому что и сумма приличная, и продал, наконец, никому не нужного осла), либо являются собой пример типичной для Апулея избыточности. При этом никакого соответствия в лукиановском тексте они не имеют, т.е. можно допустить, что они внесены самим Апулеем. «Лишние» же детали Псевдо-Лукиана контекстом не мотивированы – они либо требуют домысливания (почему осел отправился с Филебом, обливаясь слезами?), либо просто непонятны (почему Филеб так уверенно объявляет, что его осел – из Каппадокии?). При этом их появление легко объясняется путем сравнения с текстом Апулея: во-вторых, там подробно описано нежелание осла «продаться» Филебу и его попытки избежать этой покупки; во-вторых, о его каппадокийском происхождении сообщает продавец в предыдущей главе.

2. Если оба автора воспроизводят *весь* источник от начала до конца. Допустим, это так, и греческий автор – пересказчик, эпитоматор, – так же как римский, стремятся воспроизвести свой источник во всех подробностях, вплоть до мельчайших эпизодов. Теперь посмотрим, *каков* механизм этого воспроизведения – если оно действительно имело место. Возьмем еще одну параллель в описании эпизода неудачного побега осла с девицей от разбойников. «Но [тщетно] воплями поднимала она [напрасный] шум, [так как не было никого, кто мог бы прийти к ней на помощь, разве только одна] пленная эта девица, которая, прибежав [на крики], видит [зрелище, клянусь Геркулесом, достойное памяти,] – старушку в виде Дирцеи, повисшую [не на былке, а] на осле. [Тогда] она, вооружившись мужской стойкостью, решила на прекраснейшее дело: [выхватив у той из рук привязь и сдержав меня успокоительным щебетаньем,] она [ловко] на меня вскакивает и, [таким образом, снова] побуждает к бегу» (Апулей. VI. 27); «А она стала воплями вызывать из дому пленную эту девицу, которая, прибежав и увидев старушку в виде Дирки, повисшую на осле, решила на дело природное и [достойное отчаянного юноши]: она вскакивает на меня и, [усевшись,] побуждает к бегу» (Псевдо-Лукиан, 23).

Различие приведенных отрывков состоит только в одном: в тексте Апулея есть нюансы, наличие или отсутствие которых для содержания эпизода в целом нерелевантно: старуха кричала *тщетно*, шумела *напрасно*; то, что увидела девица, было *достойно памяти*; сравнение старушки, повисшей на осле, с Диркой, уточняется, как будто автор не уверен, помним ли мы, что Дирка висела как раз *на быке*, а не на осле; более подробно описано и то, *как именно* девица вскочила на осла – *выхватив привязь; сдерживая его успокоительным щебетаньем; ловко*. Из двух отрывков первый богаче, шире, даже избыточнее. А если мы изыдем из этого отрывка все амплификации, то получим как раз тот текст, который приведен как псевдо-лукиановский⁷. Этот вывод касается всех параллелей.

Возникает вопрос: почему Апулей так рабски привязан к чужому тексту вплоть до порядка слов, отдельных выражений, сравнений и т.д.⁸? Получается, что он просто *переводит* с греческого, снабжая свой дословный перевод различного рода виньетками! Мог ли такой способ работы с текстом греческого источника, который был,

⁷ В тексте «Луция» есть только одна деталь, не имеющая соответствия у Апулея, – поступок девушки назван не только мужественным, но и отчаянным, буквально «достойным отчаянного юноши». Правда, в той же главе у Апулея мы находим выражение «с отчаянной решимостью, не соответствующей ее полу и возрасту», только характеризует оно не девушку, а старушку. То же касается и упоминания ладана в первой из приведенных нами параллелей: у Апулея колдунья-хозяйка тоже сжигает ароматы (aromata, odores), только двумя главами раньше, в рассказе служанки о приемах хозяйкиного колдовства.

⁸ См., например, эпизод со жрецами Сирийской богини: у Лукиана видим оборот μαλακὸν αἷμα, а у Апулея – *effeminatus sanguis* (букв. «изнеженная кровь»).

как засвидетельствовал Фотий (см. выше), образцом чистого аттицизма, привести к формированию знаменитого апулеевского стиля, который был образцом латиноязычного азианизма?

Итак, перед нами два литературных произведения. Одно – роскошное, изобилующее различными украшениями и пространное, созданное превосходным и знаменитым латиноязычным писателем. Другое – более простое, свободное от всех излишеств и меньшее по объему в *шесть* раз, созданное по-гречески Бог весть кем. Следуя принятой схеме «от греческого – к латинскому», мы должны признать, что Апулей писал «Золотого осла»: а) дословно переводя греческий источник на латынь и встраивая к его простым фразам свои башенки, колонны и завитушки; б) встраивая в исходный сюжет, взятый во всех подробностях, добавочные эпизоды. Согласуется ли такая картина с репутацией Апулея как виртуозного писателя и вообще с психологией творчества?

Не покажется ли более правдоподобной другая картина: оригинальный римский роман получил свою краткую греческую версию? Насколько мне известно, такое предположение было высказано всего один раз – С.В. Поляковой, правда, вскользь и опасно⁹. Страх понятен: трудно заставить себя думать, что греческий текст мог быть вторичен по отношению к латинскому, когда так силен стереотип «греческое сначала, римское потом, греческое первично, римское вторично». Но правильно ли это по отношению к греко-римскому миру II в. н.э. вообще и к двум великим писателям, в частности, особенно если и греческая, и римская культура были для обоих равно неродными?

Теперь посмотрим на другие смущающие странности. Главным героем апулеевского романа, как мы все помним, является человек с римским именем Lucius, римский гражданин, владеющий языком своих сограждан. И когда мы читаем, как осел-Луций пытается завопить «О Цезарь!», мы ничуть не удивляемся – для римского романа это органично. Но ведь считается, что история о Луции взята Апулеем из *греческого* источника – из «Метаморфоз Луция Патрского». Значит, и там главным героем был *римлянин* Луций¹⁰. Насколько я могу судить, ничего подобного история античной литературы не знает – сюжеты всех известных нам *греческих* романов и более ранних, и более поздних всегда закручиваются вокруг *греческих* героев. Сознвая всю необычность римского героя в центре греческого романа, ученые предлагают такое объяснение: греческим источником для Апулея послужили не дошедшие до нас «Метаморфозы Луция Патрского»; автором их был, скорее всего, сам Лукиан; как известно, в любом своем произведении Лукиан над чем-нибудь смеялся; историю о превращениях Луция он мог написать, желая посмеяться над суевериями и предрассудками, и в этом случае лучшим объектом для насмешек для него мог быть именно высокопоставленный римлянин, потому что в глазах Лукиана именно римляне страдали такой патологической склонностью к различным «паранормальным» явлениям¹¹.

Но если наше предположение верно, то никаких натянутых объяснений не потребуется: *римский* герой действует в романе Апулея потому, что это исходно *римский* роман безо всякой греческой основы.

Обратимся к третьему странному обстоятельству – самому сюжету о человеке-осле. Ученые единодушны в том, что это фольклорный сюжет *египетского*, а не греческого происхождения, многократно использованный как в произведениях египетской словесности, так и в изобразительном искусстве. Кроме того, он, по-видимому,

⁹ Полякова С.В. «Метаморфозы», или «Золотой осел» Апулея. М., 1988.

¹⁰ Во всяком случае, этот эпизод есть в псевдо-лукиановском «Луции», следовательно, он был и в «Метаморфозах» Луция Патрского: «И хотя мне часто хотелось воскликнуть "О, Кесарь!", я мог только реветь: "О" вышло у меня громко и ясно, но "Кесарь" за ним не выходил» (гл. 16).

¹¹ Perry. Op. cit. P. 221–222.

имел хождение в Северной Африке и Месопотамии¹². Наверное поэтому ученые с трудом вписывают псевдо-лукиановского «Луция, или Осла» в общий контекст-греческой развлекательной литературы¹³. Конечно, теоретически этот сюжет мог быть усвоен греками и уже через их посредство попасть к Апулею. Тогда окажется, что Апулей использовал некий *греческий* роман на *египетский* сюжет с главным героем-*римлянином*. Развязки с посвящением в египетский культ богини Исиды в исходном греческом романе не было – в этом согласны все исследователи. Апулей придумал ее сам. Но если он питал такой интерес к египетским верованиям, что связал с ними главную, любимую мысль своего романа, то почему он не мог взять из первых рук и сюжет о человеке-осле, – тем более что и по рождению своему Апулей был ближе к тем местам, где этот сюжет был распространен? В этом случае понятно, что слова вступления: «Вот я сплету тебе на милетский лад разные басни ...если только согласишься ты взглянуть на *египетский* папирус, исписанный острием *нильского* тростника» имеют переносный смысл: «Я работаю с египетским материалом, обрабатывая его на манер греческого развлекательного рассказа» – вот переносный смысл этого высказывания.

Еще несколько мелких странностей. Текст псевдо-лукиановского «Луция, или Осла» грешит некоторыми несообразностями. Это – немотивированность отдельных повторов сюжета¹⁴, необъяснимое появление отдельных элементов повествования¹⁵. В соответствии с принятой схемой это результат сокращений греческого исходного текста. Но вот что любопытно: все смысловые лакуны, вплоть до мельчайших, легко восполняются из апулеевского романа.

1. Огородник избивает римского легионера не только потому, что тот обратился к нему на непонятном «языке италийцев», как можно понять из текста «Луция», но и потому, что был полностью деморализован всеми предшествующими событиями, а также потому, что легионер разговаривал надменно и нагло.

2. «Тот» кнут тоже понятен только из Апулея – и у него употреблен оборот «тем кнутом» (*flagro illo*), но двумя главами раньше дается подробное описание этого кнута.

3. У Апулея легионер тоже заговаривает сначала по-латыни, но *потом* переходит на греческий.

4. У Апулея тоже есть *trivium*, где ловят беглецов, но это не пустое уточнение – на перепутье герои *мешкают* и поэтому оказываются пойманными.

Итак, моя гипотеза такова: не греческие версии «ослиной истории» были основой знаменитого римского романа, а этот роман был перенесен на греческую почву в двух версиях. Если бы Фотий не упомянул злосчастных «Метаморфоз Луция Патрского», я был бы предложена считать псевдо-лукиановского «Луция» сокращенной версией *непосредственно* апулеевского «Золотого осла». Но игнорировать свидетельства Фотия невозможно, поэтому предлагаю такую схему.

1. Утраченные «Метаморфозы Луция Патрского» – это сокращенная греческая версия апулеевского романа. Автором этой версии, очень возможно, и был Лукиан: во-первых, о типично лукиановском стиле этого произведения говорил Фотий;

¹² Apuleius of Medauros. The Isis Book (Metamorphoses Book XI) / Ed. with intr., transl. and comment. by G.I. Griffiths. Leiden, 1975. P. 24 f.

¹³ Hagg. Op. cit. P. 179.

¹⁴ Так, один из хозяев осла, огородник, страшно избивает римского легионера, но из текста не ясно, что вызвало такую ярость (гл. 44 слл.).

¹⁵ Так, в гл. 38 читаем: «Потом они чуть не убили меня, избивая тем (έκειλη) кнутом из косточек». Из текста «Луция» совершенно невозможно понять, каким это «тем» – более нигде этот кнут не упоминается. Ср. также гл. 44: «сначала он заговорил с нами на языке италийцев», но никакого «потом» за этим не следует. Ср. также гл. 24: в тексте точно указано место, где ловят осла и убежавшую с ним от разбойников девушку – «там, где дорога расходится натрое». В развитии событий эта деталь не имеет никакого значения.

во-вторых, таково мнение большинства современных исследователей¹⁶; в-третьих, именно Лукиан, как мне кажется, наилучшим образом подходит для роли посредника между римской и греческой литературой: он был современником Апулея, он был тончайшим знатоком стиля и превосходным имитатором¹⁷ и, наконец, у него не было греческой фанаберии по отношению к *Latinitas*, а вот желание донести до греков, не утруждавших себя изучением латинского языка, столь увлекательную и превосходную в отношении стиля историю у него вполне могло возникнуть – тем более, если сюжет с ослиными метаморфозами был, как утверждают специалисты, для греков скорее экзотичным, чем расхожим.

2. Сохранившийся в лукиановском корпусе текст под названием «Луций, или Осел» – это эпитома лукиановских (предположительно!) «Метаморфоз», сделанная менее умелой рукой. Именно эта неумелая рука эпитоматора и внесла те несообразности, которых не было в более точной и последовательной лукиановской версии апулеевского романа.

Дает ли нам такая гипотеза какие-нибудь преимущества? Можем ли мы с ее помощью объяснить те особенности сохранившегося в лукиановском корпусе «Луция, или Осла», которые не поддаются объяснению с уже имеющихся точек зрения? Вот, например, проблема соотношения лукиановского и не-лукиановского в этом тексте. Что в нем не-лукиановского? Это: 1) отклонения от чистого аттицизма как в сторону вульгаризмов (*κοράσια*), так и в сторону поэтизмов (*ἄσβεστος γέλως*), 2) обилие исоколонов и гомойотелевтонов и, как следствие, 3) ритмизованность текста в целом; 4) ассонансы¹⁸. Все эти стилистические приемы не просто не-лукиановские – они давно отмечены как характерные приметы *апулеевского* стиля. Создатель «Метаморфоз Луция Патрского» (предположительно – Лукиан) воспроизводил их сознательно, не отрешаясь полностью от своего собственного, лукиановского стиля. Такая стилиевая комбинация сохранилась и в тексте «Луция, или Осла».

Конечно, остается еще много вопросов: 1) почему в греческой версии изменены имена некоторых героев (Фотида – Палестра; Милон – Гиппарх)? 2) почему именно таким образом изменена концовка? 3) куда девались все «вставные» новеллы вместе с философским смыслом ослиной истории?

Что касается «вставных» новелл, то, возможно, в «Метаморфозах Луция Патрского» они и были, – во всяком случае, некоторые из них: исследователи обнаруживают в псевдо-лукиановской эпитоме их следы¹⁹. Что касается философского смысла романа, то было бы даже странно, если бы Лукиан хотел его сохранить: серьезность – не его стихия. Что касается концовки, то у Апулея, как мы все помним, она связана с философским аспектом романа, а если Лукиан им пренебрег, следовательно, должен был сочинить концовку сам. По видимости она просто скаброзна, но при внимательном анализе может оказаться пародией на обрядовое соединение Луция с Исидой как вселенским божеством: «и я ... голый, великолепно увенчанный и умащенный, обняв голую землю, с нею вместе уснул». Что же касается имен, то если мое предположение окажется верным, мне, возможно, удастся объяснить и это.

¹⁶ Ср., однако, *Holzberg*. Op. cit.

¹⁷ *The Cambridge Ancient History*. V. 11. Cambr., 1936.

¹⁸ Вот несколько образцов: к пункту 2–3:

οὔτε ἔνδον εὐφραϊνόμενος,
οὔτε ὑπαίθριος νεμόμενος,
ὑπὸ τῶν συννόμων πολεμούμενος
καὶ τὰ ἄτα μου κατέκλασε,
καὶ τὸ πρόσωπον μου συνέτριψεν
к пункту 4* ἐν κτήρει – αἰεὶ κτείνοντι.

¹⁹ *Holzberg*. Op. cit.

ASS METAMORPHOSES IN GREEK AND ROMAN LITERATURE:
LUCIAN, APULEIUS, AND LUCIUS OF PATRAS

O.L. Levinskaya

The so-called «Lucius, or the Ass», whose unknown author is traditionally designated Pseudo-Lucian, is among the texts of classical antiquity least popular with specialists. Nevertheless, its comparison with the most popular Roman novel of Apuleius, «Metamorphoses, or The Golden Ass», leads to some interesting and unexpected conclusions. Most important, it was not the Greek novel that served as a basis for the Latin one, as scholars have long taken for granted, but quite the reverse. Further, with this in mind, we can not only resolve a number of problems concerning Lucius and the Greek text, but better correlate, in some aspects, the Greek and Roman literature of the second century AD.